

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Портрет мафии
крупным планом**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Портрет мафии крупным планом

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Портрет мафии крупным планом / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Полковник Гуров)

Художник Григорий Артюхов очень популярен в Княжевске. Его картины всегда нарасхват. Особенно те, на которых изображены влиятельные персоны из числа городской элиты. Последняя его работа обещала стать настоящей «бомбой», но так и осталась незаконченной – Артюхов был зверски убит. Полковник МВД Гуров, расследующий это преступление, уверен: художника убили из-за его намерения показать реальных персон криминального мира Княжевска. Сыщик пытается выйти на след убийцы, но натывается на жесткое сопротивление местной правящей верхушки. Но Гуров не был бы Гуровым, если бы не придумал, как перехитрить зарвавшихся чиновников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Леонов, Алексей Макеев

Портрет мафии крупным планом

© Макеев А. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

– Григорий Алексеевич! Дорогой! Это, конечно, гениально, эта ваша новая картина... Так же гениально, как все, что вы пишете. Но зачем вы взяли этот сюжет? Вы хоть понимаете, на каких людей покусились?

От избытка чувств говоривший взмахнул руками и едва не сшиб со стола горшок с кистями. Он вообще был экспансивен, возбудим, говорлив. И этим являл полную противоположность хозяину мастерской. Да разве только этим? Они ни в чем не были схожи. Художник Григорий Алексеевич Артюхов был бородат, грузен, немногословен. Двигался всегда неторопливо, говорил мало. По телевизору смотрел только футбол, радио почти не слушал. Правда, в последние годы увлекся интернетом, проводил в нем довольно много времени. Книги читал все больше по истории искусства, да еще философские. По воскресеньям ходил в Троицкий собор, но службу выстаивал не до конца и причащался хорошо если раз в год.

Что же касается гостя, то он был невысок ростом, лыс и, как уже упоминалось, говорлив. Футболом и вообще спортом не интересовался совершенно, зато был страстным книголюбом; особенно увлекался детективами и историческими романами. По роду занятий он был музейный работник и большую часть жизни проработал в областном краеведческом музее, в котором занимал должность заведующего историческим отделом. Но истинным увлечением Бориса Игоревича Сорокина (так звали гостя) была живопись. Борис Игоревич был знаком со всеми художниками, жившими в Княжевске и в других городах области: с Толкуновым, Пикляевым, Сейфулиной, Шмайлисом, Нечаевым, Скоробогатко... Он не пропускал ни одной выставки, ездил вместе с художниками на пленэр в окрестности Лысьвы и в другие места, облюбованные местными живописцами.

Но истинным гением Борис Игоревич считал лишь одного княжевского художника – Григория Артюхова. И это свое мнение он основывал не на банальном «мне нравится», а обосновывал рядом аргументов. Он находил все новые доводы, чтобы доказать новаторство Артюхова, ценность его работ. Если бы у него были деньги, он бы скупил все, что выходило из мастерской любимого живописца. Но – увы! Денег у Бориса Игоревича никогда не было. Поэтому приходилось ограничиваться тем, что ему дарил сам художник. В результате у него дома висели на стенах две небольшие картины Артюхова: «Прием стеклотары» и «Осенний трамвай».

Свою любовь к Артюхову Борис Игоревич выражал в статьях, которые регулярно размещал в различных сетевых изданиях, а иногда – в областных газетах. В этих статьях Сорокин доказывал, что Григорий Артюхов нынче является самым талантливым в России мастером, работающим в жанре соц-арта, и что он продвинул это направление дальше, чем его разработали основатели.

Да, Артюхов был, можно сказать, реалистом. На его полотнах находили себе место люди самых разных профессий и характеров. Здесь можно было увидеть как бомжей, распивающих дешевое вино в сквере, так и «мажоров», представителей «золотой молодежи», беседующих возле своих иномарок. На картинах Артюхова размещались автослесари и профессора, полицейские и проститутки, священники и наркоманы. И при этом художник умудрялся придать каждому лицу на полотне нечто особенное, сделать его узнаваемым. А сами полотна, несмотря на простоту и непритязательность мотивов, передавали красоту и волнующую тайну окружающего нас мира.

Да, люди на полотнах Артюхова были узнаваемы. Именно это свойство его живописи в тот вечер и испугало Бориса Игоревича Сорокина. Дело в том, что Артюхов показал ему картину, над которой работал в настоящее время. Сам он считал картину очень важной, некой новой страницей своего творчества, потому что впервые отошел в ней от строгого реализма и перешел к неким обобщениям.

Полотно, как сообщил художник своему гостю, носило условное название «Делёж». Оно изображало трех человек, стоявших вокруг стола с ножами в руках. На столе размещался город Княжевск – не весь, конечно, а некий символ города с несколькими узнаваемыми зданиями. Он был разрезан на несколько частей, и трое людей вокруг стола, размахивая ножами, собирались кромсать его дальше. Лицо одного было пока размыто – одна фигура без лица. А вот двое остальных прописаны настолько тщательно, что их легко было узнать. И Сорокин их узнал. Узнал – и испугался. Потому что люди эти были в городе очень известные. Им принадлежала большая власть, и они не стеснялись эту власть использовать.

– Я вам искренне советую – никому не показывайте это полотно! – произнес Борис Игоревич. – Никому! Лучше всего было бы, если бы вы эту картину уничтожили. Хотя что я говорю? Такой шедевр! Нет, конечно, такое нельзя уничтожить, это недопустимо! Но хотя бы уберите ее из мастерской, спрячьте где-нибудь.

– Как же я ее спрячу, если она еще не закончена? – возразил художник. – Мне еще работать с ней надо.

– Нет, не надо! – воскликнул Сорокин. – Совсем не надо вам ее заканчивать! Вот у вас третий герой не прописан, узнать его нельзя – и хорошо! Вы поймите – им очень не понравится, в каком виде вы их изобразили. Очень! А эти люди свои оценки высказывают не так, как я или вы. Они их сообщают, знаете, как?

– Пулями, что ли? – усмехнулся Артюхов.

– Да, пулями! Или ножами! Или железной трубой по голове! Да чем угодно! Вы думаете, я преувеличиваю? Я слышал такие истории про этих двоих – просто кровь в жилах стынет!

– И я слышал, – кивнул художник. – Много историй. Услышал – и возмутился. Не могу я с такой несправедливостью мириться. С беззаконием! Потому и стал писать. Вы говорите – эти двое. Так третий еще хуже. Это...

– Не надо, не говорите! – остановил его Сорокин. – И слышать не хочу! Пока я не знаю, с меня и спросить нельзя. Только за этих двоих. Но я не хочу, чтобы и эти двое с меня спрашивали!

– Так вы за меня или за себя боитесь? – усмехнулся Артюхов.

– И за вас, и за себя! Да, за себя тоже боюсь! А что вы думаете? Свидетелей никто не любит. Лучше скажите – кому-нибудь еще вы эту работу показывали?

– Дайте припомнить... – задумался Артюхов. – Я, собственно, только два дня как решился ее кому-то показать, до этого она совсем сырая была.

– И что, эти два дня к вам никто не заглядывал? – спросил Сорокин. – Было бы замечательно убедить вас ее скрыть... Но что-то мне не верится. Вы – человек открытый, к вам много народу ходит. Не может быть, чтобы за два дня никто не заглянул.

– Да, тут вы правы, – согласился художник. – Народ ходит... Вот, вспомнил: мой главный поклонник был! Ну, Козлов.

– А, этот... – пробормотал Борис Игоревич. – Тоже мне, поклонник...

Николай Петрович Козлов действительно был поклонником таланта художника Артюхова, правда, не таким просвещенным, как Борис Сорокин. Зато у него имелось одно достоинство, которого Борис Игоревич был начисто лишен, – деньги. Николай Петрович владел сетью продуктовых магазинов, а также кондитерских, имелось еще кое-какое имущество, поэтому его можно было считать богатым человеком. И будучи богатым он регулярно покупал работы Григория Артюхова. Всего Козлов скупил восемнадцать работ мастера и не собирался на этом останавливаться. Пока что купленные картины украшали стены его элитной городской квартиры, а также загородного дома. Однако Николай Петрович был честолюбив и недавно озвучил свое желание: создать персональный музей Артюхова, где выставлять не только его работы, но и картины молодых художников. Учитывая явный предпринимательский талант Козлова, можно было поверить, что со временем это желание станет реальностью. Можно представить,

с какой завистью относился к этому поклоннику любимого мастера Борис Игоревич! Он не упускал случая отпустить в адрес мецената какое-нибудь ядовитое высказывание.

Но на этот раз он ничего такого не сказал. Вместо этого спросил:

– И что, кроме этого... мецената больше никого не было?

Артюхов вновь задумался. Потом хлопнул себя по лбу (он вообще был человеком экспансивным) и произнес:

– Как же я забыл! Девочка была.

– Какая еще девочка? – насторожился Сорокин.

Он знал, что к Григорию Артюхову проявляют интерес многие женщины. Не то чтобы художник был особенно красив или остроумен. Но он был явно талантлив и имел широкие интересы – эти качества очень привлекали представительниц прекрасного пола. Возле художника постоянно крутилась какая-нибудь девочка из художественного училища, или с филфака, или еще откуда-то. Это, разумеется, вызывало недовольство у супруги Артюхова, Натальи Романовны, и время от времени она это недовольство высказывала. Тогда в семье Артюховых разражалась гроза – сверкали молнии, гремел гром, билась посуда, что, конечно же, не способствовало творчеству художника, и поэтому Борис Игоревич не любил, когда возле его кумира появлялась какая-нибудь новая поклонница.

– Что еще за девочка? – спросил он сердито. – Снова какая-нибудь бойкая особа из училища?

– И вовсе не из училища, – ответил Артюхов. – Это я только так сказал – «девочка». Вы же знаете – для меня все особы женского пола моложе сорока лет ходят в девчонках. А ей, кажется, еще и тридцати нет. Это корреспондент газеты «Княжевские вести» Настя Марьянова. Она в прошлом году о моей выставке писала. Даже в Москве обо мне смогла что-то опубликовать!

– Знаю я эту Настю, – кивнул Сорокин. – Она ничего... кое-что в живописи понимает. Плохо только, что она журналист...

– Почему же плохо? – удивился Артюхов.

– Да все потому же! Журналист – профессиональный разносчик слухов и новостей! Всем о вашей новой картине расскажет. Надо будет мне позвонить этой Насте и все объяснить. Чтобы умерила свою журналистскую прыть. Завтра же позвоню. А вы, Григорий Алексеевич, послушайте моего совета: закройте пока что вашу новую работу и никому больше ее не показывайте. Лучше всего ее вообще в ваш «запасник» убрать.

– Вы что же, хотите сказать, что я должен бросить почти законченную работу? – спросил Артюхов, и тон его не предвещал ничего хорошего. – Что я должен струсить, испугаться этих мошенников – и отказаться от своего замысла? Никогда! Никогда Григорий Артюхов не праздновал труса!

– Нет, я вовсе не это имел в виду! – заверил Сорокин. – Я вам советую не праздновать труса, а всего лишь не дразнить гусей и не воевать с ветряными мельницами. А это разные вещи. Картину, конечно, нужно закончить. Но выставлять ее лучше в Москве. Она все равно произведет здесь фурор, но вы в это время будете находиться в столице, и наши бандиты до вас не дотянутся. Мне кажется, в таком предложении нет ничего для вас унижительного.

– Все равно, как-то это... слишком осторожно, – пожал плечами Артюхов. – Писать картину украдкой, хранить среди старых вещей...

– Я ведь только о вас забочусь! – воскликнул Сорокин. – Обещайте хотя бы, что не будете трубить об этой вашей работе на каждом углу! Проявите хотя бы минимальную осторожность!

– Ладно, ладно, проявлю, – нехотя буркнул тот. – Не буду лезть на рожон.

– Вот этого я и хотел! Чтобы вы не лезли на рожон, – улыбнулся Борис Игоревич. – Ну, я побежал, а то жена ругаться будет. До свидания, Григорий Алексеевич! – И поспешил к выходу.

Артюхов проводил гостя, вернулся в мастерскую. Остановился перед картиной «Делёж» и некоторое время задумчиво смотрел на нее. Надо же, как всполошился его бедный друг при виде этой работы! Неужели картина может быть так опасна? Он почувствовал, как сердце его наполняется гордостью. Значит, его кисть тоже может служить оружием в борьбе со злом! Со всякой нечистью, засевшей во власти. И он, Григорий Артюхов, будет участвовать в этой борьбе. Надо поскорее закончить картину и организовать ее показ в Москве. Это можно будет сделать через Козлова – у него есть связи с московскими галеристами. Выставить «Делёж», заодно показать несколько прежних работ похожей направленности. Это будет настоящий гражданский поступок! Да, картину надо закончить...

Григорий Алексеевич относился к числу «жаворонков», людей утра, и не любил работать по ночам. Но сейчас, охваченный творческим воодушевлением, почувствовал желание взяться за кисть.

Надел халат, подошел к мольберту... Да, третий человек... Чтобы написать его лицо, ему не нужно было иметь перед глазами фото. Он и так его хорошо запомнил, когда недавно присутствовал на приеме в правительстве области. Внешне оно выглядело благообразным, полным достоинства. Но, по сути, – это лицо хищника. Да, что-то звериное... Как же это передать...

Он задумался. Окружающая действительность перестала для него существовать, поэтому и не услышал, как позади него раздался какой-то звук – словно скрипнула, отворяясь, дверь мастерской. Не услышал шороха шагов... Только когда за его спиной прошелестел рассекаемый сталью воздух, художник обернулся. Поздно, слишком поздно! Стальная труба обрушилась на голову Григория Артюхова. Он пошатнулся, его колени подломились. Кровь из рассеченной головы хлынула на грудь, брызги попали на кисть, которую он все еще сжимал в руке. И тут убийца нанес второй удар, еще сильнее первого.

Артюхов упал возле мольберта. Падая, он взмахнул рукой и мазнул кистью подрамник, на который было натянуто полотно, прошелся и по самой картине. Попытался встать, но из этого ничего не получилось. По телу прошла судорога, и он замер в неподвижности на полу.

Убийца наклонился над телом, рукой, затянутой в перчатку, потрогал сонную артерию. Пульс отсутствовал, Артюхов был мертв. Тогда он отбросил железную трубу и достал из кармана нож...

Глава 2

Вначале Гуров не придавал особого значения тому факту, что его внезапно вызвали к начальнику Управления. Подумал, что речь идет о рутинном контроле над ходом расследования дел, которые он вел в настоящий момент. Однако, войдя в кабинет, он заметил, что генерал Орлов находится в особо сумрачном настроении. Такое случалось, когда ему звонили с самого верха и требовали бросить все силы на расследование какого-либо запутанного дела. В таких случаях генерал, как правило, обращался к помощи полковника Льва Гурова.

– Здравствуйте, товарищ генерал! – приветствовал Гуров начальника. – Вызывали?

– Вызывал, Лева, вызывал, – кивнул Орлов. – Давай, садись, поговорим...

Да, такое начало не сулило ничего хорошего. Обычно так начинались беседы, в ходе которых Гуров получал какое-либо трудное задание.

– Ты про убийство в Княжевске слышал? – спросил Орлов, сразу беря быка за рога.

– В Княжевске? – Лев наморщил лоб, вспоминая сегодняшнюю сводку. – Это там застрелили помощника прокурора?

– Нет, помощника застрелили во Владимире, – поправил его Орлов. – А в Княжевске во вторник вечером убили художника.

– Да, верно, я читал. Но... Там вроде речь идет об обычной уголовщине. Украдено несколько картин... Рядовой грабеж. И о художнике этом я впервые слышу. Мы обычно такими делами не занимаемся.

– Вот и плохо, что не занимаемся! – покачал головой генерал. – Плохо, что не интересуемся нашими мастерами кисти! Отстаем от культурного процесса.

– Так ведь у нас, Петр Николаевич, другие процессы на уме, – заметил Гуров. – Уголовные процессы, и все больше связанные с убийствами и с хищением государственных средств в особо крупных размерах...

– Конечно, это наша работа, – кивнул Орлов. – Но и о культуре нельзя забывать. Нельзя ни в коем случае! В общем, сверху нам поступило указание срочно подключиться к расследованию этого убийства.

– Но почему вдруг такой интерес? – удивился Гуров.

– Должен признаться, Лева, что я сам вначале удивился, когда принял этот звонок, – признался генерал. – Вот прямо, как ты сейчас. И я, кстати, тоже ничего не слышал о художнике Артюхове и полагал, что его смерть – не наше дело. Но мне объяснили, что я неправ. Оказывается, художник этот широко известен, в том числе за рубежом. В прессе уже поднялся шум в связи с его гибелью. Пишут, что Артюхов критически высказывался о губернаторе, о других представителях власти. И даже как-то выражал свое несогласие с властью в картинах. Как – не знаю, я его картин не видел. В общем, дело приобретает политическую окраску. Поэтому от нас требуют его быстро расследовать и поймать убийц. К тому же я сам собирался проверить работу органов дознания Княжевска. Поступали мне оттуда кое-какие сигналы...

– А что за сигналы? – заинтересовался Лев. До этой минуты Княжевск был ему ничем не интересен. Но теперь из точки на карте он превратился в место, где предстояло работать. И для полковника уже начался этап сбора информации.

– Да были жалобы от нескольких бизнесменов, – сказал Орлов. – Они сообщали, что местные правоохранители якобы их притесняют. Но не успевали мы начать расследование, как жалобщики свои свидетельства отзывали. Так что разобраться в делах города Княжевска никак не находилось повода. Вот теперь ты и разберешься.

– Понятно... – произнес Гуров. – А друга моего, Стаса Крячко, разрешите с собой взять? Вдвоем легче вести работу...

– Не слишком ли будет жирно, отрывать сразу двоих лучших оперативников на такое дело? – усомнился генерал. – Ты же сам говорил – речь идет об обычной уголовщине. На него мне и одного полковника жалко. Так что извини, Лева, но Крячко я тебе не отдам. Впрочем, если у тебя в Княжевске возникнут сложности, разрешаю подключить твоего друга. Понадобится помощь – вызовешь его.

– Что ж, и на том спасибо, – криво усмехнувшись, кивнул Гуров.

До Княжевска от Москвы было около двух тысяч километров, и Гуров отказался от мысли ехать туда на своей машине. «Если потребуется, попрошу автомобиль в местном управлении, – решил он. – Но скорее всего не потребуется, может, удастся закончить это дело быстро». Он все еще надеялся, что расследование окажется несложным.

Следующим утром Гуров уже вышел на перрон вокзала в Княжевске. Пройдя через вокзал, окинул взглядом сквер, где золотились на солнце березы и тополя, окружающие дома... На подъезде к городу поезд пересек реку, и Лев оценил красоту речных берегов, осенних лесов в их убранстве. «Да, здешним художникам есть где находить вдохновение, – подумалось ему. – Далеко ездить не приходится».

В дороге он продолжал работу, начатую еще в Москве – собирал сведения об убитом художнике Артюхове. Некоторое время назад Гуров научился пользоваться мобильным интернетом и теперь всюду прибегал к его услугам. Сейчас он уже знал, чем занимался Григорий Артюхов, знал названия его наиболее известных картин. Запомнил и несколько имен людей, которые чаще других упоминались вместе с Артюховым.

На вокзале Лев взял такси и поехал в управление. Накануне он по телефону договорился о встрече с начальником княжевского областного управления генералом Тарасовым и теперь направлялся на эту встречу.

Николай Семенович Тарасов оказался крепким мужчиной чуть ниже среднего роста. Для своих пятидесяти двух лет генерал выглядел очень хорошо, был бодр, энергичен, взгляд синих глаз внимательный, цепкий.

Начальник управления любезно встретил гостя, проводил к столу, усадил, предложил чай или кофе, поинтересовался и тем, как тот доехал... В общем, всем своим видом излучал гостеприимство и готовность к совместной работе. Однако, обменявшись с Тарасовым несколькими фразами, Гуров пришел к выводу, что с генералом что-то не так. Визит московского гостя его вовсе не радовал. Хозяин обширного кабинета был чем-то угнетен, мрачен. И о деле, то есть об убийстве Артюхова, говорил неохотно, всячески стараясь показать, что о художнике мало что слышал, работой его не интересовался и вообще не в курсе.

– Понимаете, Лев Иванович, – заявил Тарасов, – делом этого художника... как его – Артюхов? – этим делом занимаемся не мы, его ведет следственный комитет, а конкретно – старший следователь Злобин. Вот вы к нему обратитесь, он вас введет в курс дела, как там и что. Следственный комитет у нас недалеко, прямо по соседству, в следующем квартале. Мы с ними, естественно, сотрудничаем, но конкретно в данном деле не участвуем. А вам мы, естественно, окажем всяческую помощь и содействие. Обеспечим машиной, помощью криминалистов, экспертов... Если потребуется, я вам придам пару помощников, есть у меня толковые ребята...

Тарасов говорил все это бодро, живо, но в глаза гостю при этом не смотрел и выглядел подавленным. Было заметно, что он хочет как можно скорее закончить неприятную встречу, только и ждет, чтобы гость ушел. Отметив это обстоятельство, Гуров, наоборот, решил задержаться в кабинете начальника управления и расспросить генерала как можно более подробно.

– Со следователем я успею поговорить, – сказал он, – но сначала хотелось бы побеседовать с коллегой. У следователя свой подход, у нас, оперативников, свой. Я уверен, что у вас, Николай Семенович, уже сложилось свое мнение об этом убийстве, есть какие-то данные. Ведь

есть, правда? Вы в городе всех знаете, кто чем дышит. Поделитесь со мной своими соображениями.

– Да я готов, почему не поделиться... – согласно кивнул Тарасов. – Что именно вас интересует?

– Что интересует... Прежде всего – мотив. Неужели художника действительно убили с целью ограбления? Притом что из мастерской пропали всего три картины?

– Всякое бывает... – неопределенно ответил генерал.

– А могут быть какие-то другие причины для убийства? Например, ревность? Мечь?

– Ревность – это да, могло быть, – встрепенулся генерал. – Женщин вокруг него много крутилось.

– Так-так... А какие у него были отношения с коллегами? Дружеские или, напротив, натянутые?

– В основном отношения были хорошие. Покойный не зазнавался, не считал себя гением. Готов был помочь коллегам. Но был один... можно сказать, соперник.

– Кто такой?

– Есть у нас один художник, зовут Евгений Пикляев. Вот он высказывался об Артюхове очень отрицательно. Возможно, завидовал его успеху. Но ведь из-за зависти не убивают...

– Почему же? Среди людей искусства такое возможно, – заметил Лев. – Скажите, а был у погибшего какой-нибудь покровитель? Тот, кто ссужал художнику деньги, помогал с организацией выставок?

– Да, есть такой меценат, – кивнул Тарасов. – Козлов Николай Петрович. Богатый человек...

– И что говорит этот богатый человек по поводу убийства Артюхова?

Услышав этот вопрос, генерал еще сильнее помрачнел и неохотно выговорил:

– Ничего Козлов не говорит. Потому что его уже два дня найти не могут. Куда делся – неизвестно.

– Вот как... – протянул Гуров. – Интересно... Загородный дом богатого человека вы, конечно, проверили...

– И загородный дом, и сторожку – была у него своя сторожка в охотничьем хозяйстве. Везде посмотрели – нет его нигде.

– А машина?

– Машины тоже нет. И что самое интересное – ее не видели ни на одном посту ДПС. Мы, правда, не всех инспекторов успели опросить. Есть еще надежда, что кто-то что-то вспомнит. Но пока картина такая – два дня назад Козлов был на месте, у себя в офисе. А потом исчез, как сквозь землю провалился.

– А жена что говорит?

– Вот жена его последняя и видела. Точнее, не видела, а слышала. Рассказала, что во вторник муж вернулся домой очень поздно, уже после полуночи. Лег спать в кабинете. А утром его дома уже не было.

– То есть, строго говоря, жена Козлова не может утверждать, что ее муж был дома, – покачал головой Лев. – Это мог быть совсем другой человек.

– Да, я тоже об этом думал, – согласился Тарасов.

– Вот видите, Николай Семенович, вы об этом все-таки думали. А вначале заявили, что и фамилию этого художника толком не помните. Чем же вам это дело так неприятно, что вы о нем и слышать не хотите?

– Да ничем особенно... Что тут неприятного? – совсем уж неразборчиво пробормотал генерал.

– Ладно, не буду вас больше мучить, – сказал Гуров, поднимаясь. – Пойду познакомлюсь со следователем Злобиным. Может, он мне больше расскажет.

Глава 3

Следователь Артем Юрьевич Злобин оказался полной противоположностью хмурого начальника управления. Он был сравнительно молод (не больше сорока лет, как оценил его возраст Гуров), бодр, улыбчив и весел. Никакой мрачности, никакой подавленности в нем не ощущалось.

– Лев Иванович, рад вас видеть! – воскликнул он, встретив гостя у порога своего кабинета. – Большая честь работать вместе с таким специалистом!

– Однако не все так думают, – заметил Гуров, проходя в кабинет. – Ведь я вроде как ваш хлеб отнимаю. И вообще мы из разных ведомств...

– Ведомства, может, и разные, а дело-то одно! Дело одно! – все так же жизнерадостно ответил Злобин. – Итак, я полагаю, вы хотите узнать как можно больше подробностей об убийстве художника Артюхова. Правильнее всего будет, если мы с вами прямо сейчас проедем на место преступления. Сейчас я позвоню, чтобы нам подогнали машину, расскажу самое главное – и поедем.

Следователь позвонил водителю, распорядился, чтобы машина через десять минут была у подъезда, после чего начал рассказывать:

– Тело художника обнаружила его жена. Согласно ее показаниям Артюхов очень редко оставался ночевать в мастерской – как правило, в тех случаях, когда у него собиралась большая компания коллег, они засиживались допоздна – ну, и мастеру кисти не хотелось идти в таком состоянии домой. Обычно Артюхов предупреждал жену о таких сборищах, так что поводов для беспокойства не было. В этот раз художник не позвонил, и когда он не пришел домой ни в двенадцать часов, ни позже, жена стала беспокоиться. И вот, едва рассвело, она отправилась в мастерскую. Дверь была открыта. На полу мастерской, возле мольберта, Наталья Артюхова обнаружила тело мужа с явными следами насильственной смерти. Художник был убит двумя ударами тупым металлическим предметом по голове. Согласно заключению медиков смерть наступила в результате тяжелой черепно-мозговой травмы. Время смерти – между одиннадцатью часами и часом ночи. Как мы предполагаем, убийца вошел в мастерскую, поскольку дверь не была закрыта. Приблизился к хозяину мастерской, который стоял перед мольбертом, и нанес ему два удара по голове. После чего вырезал из рам три картины – ту, над которой Артюхов работал в тот вечер, и еще две картины из числа стоявших у стены. Полотна он унес с собой.

– Отпечатки вы, я думаю, не нашли? – Это прозвучало не как вопрос, а скорее как утверждение.

– Не нашли, – подтвердил Злобин. – Преступник был в перчатках.

– А «тупой металлический предмет», которым пользовался убийца, – это железный прут?

– Нет, труба, – поправил сыщика Злобин. – Скорее всего – шоферская монтировка.

– Ее не нашли?

– Не нашли. Ищем. Ну что, главное я сказал, может, теперь поедем на место преступления?

– Поехали, чего время терять, – согласился Гуров.

Они сели в машину и спустя четверть часа были уже возле мастерской Артюхова. Выйдя из машины, Лев внимательно оглядел старинный двухэтажный дом и заметил, что первый этаж своими высокими полукруглыми окнами заметно отличался от второго.

– Мастерская здесь? – спросил он, указав на окна первого этажа.

– Так точно. Артюхов выбрал это помещение из-за окон. В мастерской у него было всегда светло...

– Я так понимаю, он мастерскую сам оплачивал?

– Да, сам. Правительство области предлагает художникам оплаченные мастерские, и многие этим предложением пользуются. Однако Артюхов от государственной мастерской отказался. Сказал, что там темно и слишком шумно – много соседей-художников. Снял помещение недалеко от дома.

– Так он жил где-то рядом?

– Да, отсюда до его дома минут двенадцать ходьбы.

– Раз снимал мастерскую, стало быть, не бедствовал?

– Не бедствовал, – подтвердил Злобин. – У него довольно часто покупали работы.

– Мастерская на первом этаже... Вечером, когда горит свет, думаю, с улицы можно увидеть, что там происходит?

– Вот это я не проверял, – признался следователь. – Вы, наверное, правы. Как я понял, Артюхов не был пунктуальным человеком. Вот дверь у него стояла не запертая... Скорее всего и шторы он ночью не задергивал.

– Значит, убийца мог видеть, что художник находится в мастерской, и что он там один... Кстати, а один ли? Вы нашли людей, которые были в тот день у Артюхова? Кто последним видел его в живых?

– Полный перечень мы еще не составили, – ответил Злобин. – Пока что выяснили, что в середине дня к нему заходили двое коллег – художники Шмайлис и Пикляев.

– Вместе?

– Нет, порознь. Шмайлис заходил около часа, Пикляев – в три. Так что пока он последний в списке тех, кто видел Артюхова в тот день.

– Понятно, – кивнул Гуров. – Что ж, теперь пошли внутрь.

Они вошли в дом, прошли под лестницей, которая вела на второй этаж, и остановились перед дверью, заклеенной казенной бумагой с печатью. Следователь снял печать, отпер дверь, и они вошли в мастерскую.

Это была большая светлая комната с тремя окнами на улицу. Справа, у торцевой стены, в несколько рядов стояли картины. Слева – несколько шкафов, кровать, а ближе к середине комнаты – обеденный стол. Возле окна стоял мольберт; на полу возле него виднелся нанесенный мелом контур лежащего человеческого тела.

Гуров, не задавая никаких вопросов, не произнося ни слова, прошелся по мастерской. Открыл один за другим шкафы. В одном оказались чистые холсты, краски, кисти, в другом – посуда, в третьем – книги по искусству. На полу возле шкафов стояло несколько пустых бутылок, а в посудном шкафу, в глубине, сыщик обнаружил початую бутылку коньяка и нетронутую бутылку водки.

Затем он внимательно осмотрел два пустых подрамника, из которых были вырезаны холсты, и перешел к мольберту. Его он осматривал минут двадцать, так что следователь Злобин, потеряв терпение, не выдержал и спросил:

– Что вы ищете, Лев Иванович? Мы там все осмотрели самым внимательным образом.

– И подрамник тоже? – спросил Гуров, не оборачиваясь.

– Да, и его, конечно, – кивнул Злобин.

– Тогда вы сможете объяснить мне, что это за следы, – сказал сыщик.

Злобин нахмурился и подошел ближе. Наклонился, посмотрел на место, на которое указывал Гуров, и, пожав плечами, ответил:

– Ну, это, я думаю, краска. Не помню, я говорил или нет: в момент убийства Артюхов стоял перед мольбертом. Он работал, и в руке у него была кисть. Его так и нашли – с кистью в руке...

– А вот мне кажется, что это не краска, а кровь, – заявил Лев. – Пригласите ваших экспертов, пусть возьмут образец на исследование.

– Что ж, может, и кровь, – согласился Злобин. – Но картину преступления это не меняет. Артюхову нанесли удар по голове, брызнула кровь. Она попала ему на халат, могла попасть и на кисть. И он, падая, задел кистью подрамник.

– Да, похоже, так и было, – кивнул Гуров, разглядывая меловой контур на полу. – Только одна деталь: чтобы человек, падая, дотянулся кистью до мольберта, он должен специально протянуть к нему руку. Обычно так не делают. Падая, человек инстинктивно подбирает руки под себя, чтобы смягчить удар. А он не думал о себе, он старался дотянуться до холста, словно хотел оставить на нем свою кровь. Скажите, а вы узнали, что за картина здесь была? – показал он на пустой подрамник, из которого было вырезано полотно.

– Та, которую он рисовал в день смерти? – уточнил следователь. – Нет, этого мы не знаем.

– Но ведь вы беседовали с его коллегами – с теми, кто заходил к Артюхову в день убийства. Они же должны были видеть картину, над которой он работал?

– Я спрашивал – нет, они не видели. Оба говорят одно: мольберт стоял лицом к стене, Артюхов свою новую картину не показывал.

– Очень интересно... – пробормотал Гуров. – Необычное поведение... Что же, и жене не показывал?

– Нет, и Наталья Артюхова говорит то же самое: последнюю работу мужа она не видела.

– А друзья? Какие-нибудь... меценаты?

– Как я понимаю, вы имеете в виду господина Козлова. Я думаю, генерал Тарасов вам уже сказал, что Козлов исчез. Мы его второй день ищем, но пока не можем найти.

– Я имел в виду не только человека, который скупал картины Артюхова. Насколько я знаю, художники – люди очень общительные. Они всегда окружены всякого рода поклонниками, людьми искусства. Не может быть, чтобы у Артюхова не было каких-то друзей. Вы с ними беседовали?

– Беседовал, но еще не со всеми, – признался следователь.

– Ладно, что за картина была у него на мольберте, мы не знаем. Но вот те, – повернувшись, показал Лев на две пустующие рамы, из которых были вырезаны холсты, – они вам известны?

– Да, – кивнул Злобин. – Названия пропавших картин мы установили. Сейчас... – Он достал блокнот, пролистал его и прочитал: – Одна называется «Очередь», другая «Патруль».

– Интересно, интересно... – произнес Гуров. – Стало быть, «Очередь» и «Патруль». И никаких тебе закатов, восходов, речек, храмов... У него что же, все картины такого рода?

– Да, все такое, – скривился Злобин. – Везде у него бомжи, пьяницы, работяги... Направление такое, «соц-арт» называется. Меня, если честно, от его картин прямо тошнит. Зачем все это уродство на полотно тащить – разве его в натуре мало? И кто захочет эту гадость себе на стену вешать?

– Но ведь находятся ценители, и довольно много. Я слышал, его картины охотно покупали. Да и этот ваш меценат, Козлов, много приобретал. А скажите, вот эти две похищенные картины – они, наверное, были особо ценными? Известные работы?

– Этого я не знаю, – ответил следователь. – Это надо специалистов спрашивать, а я, как уже говорил, в этой мазне не разбираюсь. Мне что одна его картина, что другая – все едино.

– А что же вы не спросили специалистов? – удивился Лев. – Ведь мы должны знать ценность пропавших работ. Где у вас обретаются такие специалисты?

– Ну, видимо, в Художественном музее, – пожал плечами Злобин. – Да, вы правы: надо сделать туда запрос, чтобы прислали эксперта для оценки пропавших работ. Спасибо за подсказку.

– Ну, подсказка не особенно ценная, – заметил Гуров. – Теперь скажите, как обстоит дело со свидетелями. Убийство произошло, как вы говорите, между одиннадцатью и часом ночи. Время не особо позднее, кто-то мог не спать...

– Мы опросили всех, кто живет по соседству. Но никто не слышал никакого шума в мастерской, и никто не заметил человека, входящего или выходящего из этого дома.

– А почему вы говорите только о соседних домах? А на втором этаже разве никто не живет?

– Никто. Помещения на втором этаже сдаются под офисы, и после шести часов там, как правило, никого нет.

– Как правило... – повторил Гуров слова следователя. Он продолжал рассказывать по мастерской, иногда останавливаясь и оглядывая предметы обстановки. – Значит, убийца отпечатков не оставил, оружие преступления не выбросил. Свидетелей у нас нет, убийцу никто не видел. И камер наблюдения здесь скорее всего не имеется...

– Какие тут камеры? – усмехнулся Злобин. – На этой улице нет ни одного большого магазина. Так, одни мелкие лавочки. И солидных домов тоже нет. Так что камеру вы не найдете ни в этом квартале, ни в соседних.

– Да, положение аховое, – заключил сыщик. – Выходит, что это дело – типичный «висяк», как принято у нас и у вас выражаться. Вряд ли его удастся раскрыть в короткое время.

– Да какое там короткое! – махнул рукой Злобин. – Давайте честно признаемся: вряд ли это дело вообще удастся раскрыть. Правильно вы говорите: «висяк» и есть «висяк». Это тот случай, когда мы, в общем, понимаем, как произошло преступление, но раскрыть его не получается.

– И как же, по-вашему, оно выглядело?

– Ну, выглядело все это следующим образом. Артюхов работал в своей мастерской, не задернув шторы. Его хорошо было видно с улицы. По улице в это время проходил некий субъект криминального типа. Возможно, наркоман или бывший сиделец. Предположительно молодой и физически сильный. Он увидел через окно Артюхова, и у него возник преступный умысел – похитить картины художника, а заодно разжиться у него деньгами на дозу. Он вошел, ударил художника монтировкой, вырезал из рам три картины и ушел. Все.

– Я вижу, у вас уже не только картина преступления сложилась, но и личность убийцы обрисована, – усмехнулся Лев. – Выходит, нам нужно искать молодого и физически крепкого парня из числа наркоманов или лиц, недавно освобожденных из мест заключения. Верно я вас понял?

– Верно, – кивнул Злобин. – И я такие поиски уже веду. Именно таким образом я рассчитываю выйти на преступника.

– То есть все же раскрыть убийство, несмотря на отсутствие свидетелей! Ловко, ничего не скажешь... Но ответьте мне на такой вопрос: где ваш «крепкий парень» взял оружие преступления? Вот эту самую монтировку? Они на улицах вроде не валяются...

– Не валяются. Можно предположить, что монтировка была заранее похищена где-нибудь в автомастерской. Проходил мимо и стащил. Такие люди тащат все, что плохо лежит.

– А куда он дел похищенные картины? Это ведь товар специфический, на базаре его не продашь...

– Этого мы пока не знаем, – признался следователь. – Но узнаем, когда задержим преступника. Этим я в настоящее время и занимаюсь: вместе со своими помощниками проверяю всех лиц антисоциального поведения. Так что, если я вам больше не нужен, я бы вернулся на работу. Дел полно, знаете ли... Могу и вас подбросить до следственного комитета или до управления.

– Я здесь немного задержусь, если не возражаете, – сказал Гуров. – А потом схожу, побеседую с вдовой художника. Ведь хлопот, связанных с похоронами, у нее пока нет, верно?

– Нет, я пока не дал разрешение на похороны, – подтвердил Злобин. – Завтра утром эксперты представят окончательное заключение – тогда и выдам тело вдове.

– Адрес ее вы мне оставите?

– Да, пожалуйста, – кивнул Злобин. – Вот, я заранее написал и адрес, и имя-отчество. Артюхова Наталья Романовна, улица Барнаульская, 73, квартира 17.

– Вы говорили, это недалеко?

– Да, минут десять-двенадцать пешком. Но давайте я вас все же подброшу.

– Ничего, я пройду. Заодно посмотрю ваш город. А то я в нем никогда не был, надо же ознакомиться. Вы мне оставьте ключ от мастерской, я буду уходить, запру.

– Хорошо, вот вам адрес, вот ключ. Стало быть, я вас покидаю, – сказал следователь.

– Хорошо, идите, ловите вашего «крепкого парня», – улыбнулся Лев. – Только... Надеюсь, если вы доведете дело до суда, там будет фигурировать не одно только признание обвиняемого. Хотелось бы увидеть также доказательства и улики. Например, орудие преступления, а также похищенные картины.

– Мы обязательно все это найдем, Лев Иванович, – заверил Злобин и вышел из мастерской.

Глава 4

Оставшись один, Гуров некоторое время задумчиво смотрел ему вслед. У него возникло много соображений как по поводу места преступления, так и по поводу следователя Злобина. Сейчас Лев очень жалел, что рядом не было верного друга Стаса Крячко. Со Стасом было так хорошо обсуждать разные стороны расследования, выдвигать, а если понадобится, то и отбрасывать гипотезы. Теперь же приходилось всю эту мыслительную работу проделывать только самому. Он ее и проделал – правда, в сокращенном объеме. Кивнув головой, сказал, обращаясь к стенам мастерской:

– Кажется, у нашего следователя имеется не только своя картина преступления, но и готовый подозреваемый. Ставлю сотню против рубля, что он уже завтра кого-нибудь арестует. Да, быстрый молодой человек...

Высказав эту сентенцию, сыщик достал лупу и вновь принялся изучать стоявший на мольберте подрамник. Но теперь он смотрел не на кровавые мазки на его поверхности, а на клочья холста, оставшиеся после того, как убийца вырезал холст. Гуров осмотрел подрамник на мольберте, потом, так же внимательно, изучил пустые рамы двух картин, стоявших на полу. Говорить пустым стенам ничего не стал, просто спрятал лупу, вышел из мастерской и запер дверь.

До улицы Барнаульской действительно оказалось недалеко. Хотя Лев шел не торопясь, но уже спустя десять минут оказался на нужной улице. Здесь у него вдруг развязался шнурок на ботинке, и ему пришлось присесть, завязывая его. Потом его внимание привлекла одна из магазинных витрин, и он постоял перед ней несколько минут. Пошел не спеша дальше, дошел до места, где улица круто изгибалась, свернул за угол... И тут внезапно ускорил шаг. Пробежав два десятка метров в хорошем темпе, пока не встретилась арка во двор, он нырнул в эту арку и замер.

Дело в том, что, выйдя из мастерской Артюхова, Гуров сразу заметил слежку. Какой-то человек следовал метрах в пятидесяти позади. Вот почему Лев останавливался, завязывая шнурок и разглядывая витрины. Во время этих остановок он заключил, что «хвост» – не профессионал, так как скрываться не умел. Оставалось выяснить, кто это его выслеживает...

Спустя минуту послышался стук острых каблучков, и мимо арки, в которой спрятался сыщик, быстро прошла, почти пробежала какая-то девушка. Пробежала десять метров, еще десять, потом остановилась и стала оглядываться. Видно, она не могла понять, куда делся человек, который только что неторопливо шел впереди нее...

– Я вижу, вы кого-то потеряли, – услышала она рядом с собой чей-то голос. Обернулась и увидела того самого человека.

– Никого я не потеряла! – выпалила девушка.

– А мне почему-то подумалось, что вы за мной следите, – сказал Гуров. – Иначе зачем вам потребовалось идти за мной от самой мастерской покойного Артюхова?

– Я вовсе не шла... то есть шла, но не за вами... это простое совпадение... – несвязно произнесла девушка.

Гуров внимательно пригляделся к ней. На вид ей было лет двадцать пять – двадцать шесть, вряд ли больше. Среднего роста, одета просто, но со вкусом. Серые глаза смотрят сердито и недоверчиво.

– Хорошо, я соглашусь, что это всего лишь простое совпадение, – сказал сыщик. – А чтобы поставить наше общение на правильную почву, я представлюсь: Лев Иванович Гуров, полковник полиции. Приехал сегодня из Москвы, чтобы помочь здешним оперативникам расследовать убийство Григория Алексеевича Артюхова.

– Так вы из Москвы... – протянула девушка. Недоверчивости в ее глазах стало меньше, зато появился интерес. – Вы – тот самый знаменитый сыщик Лев Гуров! Я о вас много слышала! И вы будете расследовать убийство Григория Алексеевича! Это хорошо... Очень хорошо!

– Может быть, и хорошо. А будет еще лучше, если вы тоже представитесь, чтобы я знал, с кем разговариваю.

– Нет проблем! – заявила девушка. – Меня зовут Анастасия Марьянова. И я корреспондент местной газеты «Княжевские вести». Сотрудничаю также на телевидении, на двух радиостанциях, веду свой блог в Сети.

– Стало быть, вы представительница вездесущей журналистской братии...

Нельзя сказать, что Лев обрадовался знакомству с молодой журналисткой. У него было сложное отношение к людям этой профессии. Довольно часто случалось, что журналисты проявляли повышенный интерес к расследованиям, и этот интерес, как правило, мешал в работе. Приходилось тратить время и силы, чтобы некоторые действия следствия остались скрытыми от внимания преступников. Кроме того, ему не нравилась развязность, с которой многие журналисты писали об убийствах, грабежах и прочих кровавых злодеяниях. Сам он никогда не позволял себе говорить о жертвах преступлений с развязностью или цинизмом.

– И зачем же я вам понадобился, Настя Марьянова? – спросил Гуров. – Хотите взять у меня интервью?

– Интервью? – удивилась Настя. – Какое еще интервью? Пока вы не представились, я и знать не знала, кто вы такой. Я думала, что вы – убийца! И шла за вами, чтобы обезвредить.

– Вот оно как! – воскликнул Лев. Такого он не ожидал. – И как же вы собирались меня обезвредить? Бить металлической трубой по голове? Но трубы я у вас что-то не вижу. И сомневаюсь, что такая хрупкая девушка может ударить настолько сильно, чтобы нанести мне черепно-мозговую травму. Или у вас в сумочке лежит «кольт»? Или «стечкин»? – кивнул он на объемистую сумку, висевшую на плече Насти.

– Пистолета у меня нет, – ответила журналистка. – И трубы тоже. Зато есть электрошокер. Вот, смотрите. – И она продемонстрировала Гурову маленькую черную трубочку. – Он вполне действует даже на таких крупных мужчин, как вы. Я проверяла, был случай. А почему вы заговорили про какую-то трубу?

– Так просто, к слову пришлось, – произнес Гуров, который вовсе не собирался излагать девушке, которую видел впервые, все обстоятельства убийства. – Но объясните, зачем вы меня собирались, как вы выразились, «обезвредить»? И где?

– Ну, если бы я убедилась, что вы идете домой к Григорию Алексеевичу... – протянула Настя. – То есть теперь это уже дом не его, а только Натальи Романовны...

– Ага, значит, вы близко знали Артюхова. Тогда ваша слежка за мной имеет свое оправдание. В результате мы познакомились. А я хочу познакомиться со всеми друзьями художника, вообще со всеми людьми, кто его знал хотя бы немного. Познакомиться, задать вопросы...

– Да, у меня тоже много вопросов, – кивнула Настя. – И есть важная информация. А если вы из Москвы, если вы – тот самый Гуров, то я готова вам ее сообщить.

– А местным правоохранителям вы, стало быть, ее не сообщили бы? – спросил Гуров.

– Местным? Нет, им я ни слова не скажу! – твердо заявила девушка. – Потому что они под большим подозрением. Знаете что? Вот так, на тротуаре, разговаривать неудобно. Здесь поблизости есть небольшое кафе. Пойдемте туда, закажем по чашке кофе, и я вам все расскажу.

– Что ж, идемте пить кофе, – согласился Лев.

Они свернули на боковую улицу, прошли сотню метров и вошли в кафе. Настя оказалась девушкой энергичной и очень быстрой. Пока Гуров оглядывался, она уже сходила к стойке, взяла кофе и на себя, и на сыщика, и даже собиралась за него расплатиться. Но Лев тут же сориентировался, заплатил за себя и подхватил из рук девушки чашку. Они сели за столик

в углу. И здесь Настя, даже не притронувшись к своему кофе, наклонилась через стол к нему и заявила:

– Я знаю, почему убили Григория Алексеевича!

– Вот как? – удивился он. А про себя подумал, что в течение часа встречает уже второго человека, который знает причины, по которым убили художника. – И почему же?

– Его убили из-за «Дележа»! – твердо произнесла Настя.

Не поняв смысла сказанного, Лев переспросил:

– Какого дележа? Квартиры? Дачи?

– Нет, какая квартира! – в досаде мотнула головой Настя. – Вы не поняли! Это картина так называлась: «Делёж». Картина, которую он писал.

– Вы имеете в виду картину, над которой он работал? – догадался сыщик. – И которую похитил убийца?

– Ну да! Это было совершенно замечательное полотно! Новое слово в его творчестве! Он мне сам говорил: «Настя, эта картина – это мой Эверест. Совершенно новый этап!»

– Подождите, так вы... вы видели эту картину? – воскликнул Гуров. Весь его снисходительный, скучающий вид как рукой сняло.

– Конечно, видела! – ответила Настя. – Я ее с самого начала видела, когда Григорий Алексеевич только начал ее писать. А в последние дни – два раза. В субботу днем, когда заходила к Григорию Алексеевичу. Тогда я у него часа три просидела. А второй раз – во вторник вечером. Он очень быстро над ней работал, все силы отдавал! Как будто чувствовал, что времени у него остается немного... За эти три дня он хотел прописать второго участника дележа.

– Стоп, давайте по порядку! – попросил Гуров. – Вы мне так и не сказали, что было изображено на этой картине. Почему она называется «Делёж»?

– Да, верно, – кивнула Настя. – Давайте по порядку. Значит, так. Григорий Алексеевич – человек увлеченный... был. Он интересовался всем на свете, в том числе и тем, как живет его родной город. Мы с ним на этой почве и познакомились. Я в Сети страницу веду – всякие комменты про наши городские дела. И он стал там отзывы регулярно оставлять. А я тогда знать не знала, кто такой «Григорий Артист» – он так подписывался. К тому же некоторые его отзывы мне не нравились. И я однажды...

– Вы обещали рассказать о картине, – напомнил Лев. – Мне кажется, мы ушли далеко в сторону.

– Ой, верно! – воскликнула Настя. – Мне казалось, что так логичнее будет – начать со знакомства. Но вы правы – давайте я расскажу о «Дележе». В общем, Григорий Алексеевич был возмущен тем, что творится у нас в городе. Этим беззаконием, этой несправедливостью. Он очень близко к сердцу все это принимал! Говорил, что нельзя оставаться равнодушным, надо как-то отреагировать. Только не знал как. И вот примерно месяц назад прихожу я к нему в мастерскую и вижу, на мольберте стоит полотно, завешенное тканью. Я его спрашиваю: мол, что-то новое? Он и говорит: «Не просто новое, а совсем новое. Я до поры до времени не хочу показывать». Ну, я человек очень любопытный. Пристала к нему как репей и уговорила показать. Он снял ткань, и я увидела... – Тут Настя сделала эффектную паузу – совсем как артист в решающей сцене. Видя, что произвела впечатление, и что слушатель жаждет услышать продолжение, вновь заговорила: – Увидела новую картину. Точнее, контуры картины. На ней были изображены три человека, стоящие вокруг стола. На столе помещался наш город Княжевск. В миниатюре, конечно. Но так похоже! Григорий Алексеевич сумел вместить в малюсенькое пространство все узнаваемые здания, вообще все черты нашего города. То есть спутать было нельзя – всякому, кто хоть немного здесь жил, было ясно, что это Княжевск. Так вот, эти трое держали в руках здоровенные ножи – такими мясники на рынке туши разделявают. И они резали город на части. Несколько ломтей было отрезано, но видно было, что делёж еще не закончен...

– И кто же эти три участника дележа?

– Дело именно в этих участниках! – воскликнула Настя. – Кто-то из них и организовал убийство Григория Алексеевича! И картину похитил, чтобы никто ее не видел! Потому что это как улика, понимаете? Как обвинение на суде!

– Хорошо, так не тяните, назовите этих троих, – потребовал Гуров. – И я буду вести расследование относительно этих имен.

Тут воодушевление, оживлявшее лицо Насти, угасло. Она пожала плечами и призналась:

– Да в том-то и дело, что из этих троих я видела только одного. Точнее, одну. Только ее лицо было прописано полностью.

– Значит, речь идет о женщине? – удивился сыщик.

– Это не женщина, а настоящая тигрица! Сейчас я вам про нее немного расскажу.

Глава 5

– Человеком, которого Григорий Алексеевич изобразил первым участником дележа городских богатств, была судья Светлана Павловна Веселова, – начала Настя. – Светлана Павловна – председатель Волжского суда. А поскольку в Волжском районе находятся офисы многих фирм, да и большинство состоятельных людей здесь живет, через нее проходит много дел, связанных с так называемыми экономическими преступлениями. Вы, наверное, знаете, что это за дела?

– Да, немного знаю... – протянул Гуров.

В последние годы он не раз сталкивался с этим термином. Не с самими экономическими преступлениями, нет. Ведь он не занимался разоблачением бизнесменов, уклоняющихся от уплаты налогов, или устраивающих разные махинации с подрядами, или еще чем-то подобным. Но он сталкивался со случаями, когда недобросовестные сотрудники полиции или других силовых структур вымогали деньги из предпринимателей, обвиняя их в таких преступлениях. Он знал, как трудно расследуются эти дела, сколько надо преодолеть препятствий, чтобы обвинить вымогателей.

– Значит, одним человеком на картине была судья. А остальные двое?

– Их лица не были прописаны, – ответила Настя. – И Григорий Алексеевич не назвал мне их имен. Сказал, что в ближайшие дни закончит картину, и тогда сразу всем ее покажет. Он многого ждал от этого показа...

– А скажите, могли другие люди, кроме вас, видеть полотно «Делёж»? – спросил Лев.

– Наверное, могли, – кивнула журналистка. – Григорий Алексеевич был человек общительный, к нему много народу ходило. Но, с другой стороны, он мне совершенно четко дал понять, что «Делёж» намерен показывать только самым близким друзьям. В остальное время полотно будет закрыто тканью.

– Так, и кто эти близкие друзья? Может, художники? Или такие же журналисты, как и вы?

– Нет, насколько я знаю, среди журналистов у него больше друзей не было, – заявила Настя. – А среди художников... Пожалуй, ближе других ему были Лёня Шмайлис и Саша Толкунов. Но Толкунов сейчас уехал на этюды в Сызрань, его в городе нет. А Лёня здесь, я его на днях видела...

– А еще я слышал про одного бизнесмена, который скупал картины Артюхова и вообще помогал ему в жизни. Мне даже называли фамилию этого бизнесмена: некий Николай Петрович Козлов.

– Да, конечно! – подтвердила Настя. – Вот от Козлова у Григория Алексеевича точно тайн не было. Да от Николая Петровича и трудно что-то держать в тайне. С его напором, он все вмиг узнает.

– Значит, мне в первую очередь необходимо встретиться с Козловым, – заключил Гуров. – Правда, мне говорили, что бизнесмена уже два дня нигде не могут найти...

– Да, верно, я слышала эту новость. Странная история! Дело в том, что Николай Петрович – человек общительный, он всегда на виду, его все видят. Не помню такого случая, чтобы он надолго куда-то исчезал.

– Может, в загул ушел? – предположил Лев. – Бывает, знаете, у мужиков такая слабость – начинают пить, и пьют день, два, три...

– Нет, с Николаем Петровичем такое не могло приключиться, – покачала головой девушка. – Он у нас, так сказать, исключение из правил. Практически не пьет. На всякого рода фуршетах и приемах глоток вина выпьет – и все. Сколько я с ним общаюсь, никогда не видела его пьяным.

– Да, действительно необычное качество, – согласился Гуров. – Что ж, оставим Козлова пока в стороне. Тогда я, пожалуй, пойду по прежнему маршруту – на улицу Барнаульскую, чтобы увидеться с женой, а теперь вдовой Артюхова.

– Да, с Натальей Романовной вам надо поговорить, – кивнула Настя. – Но... Знаете, есть еще один человек, который может много рассказать о Григории Алексеевиче. Больше меня может рассказать!

– И кто же это? – поинтересовался Гуров.

– Это Боря! Ну, Борис Игоревич Сорокин. Он работает в краеведческом музее, но по натуре он скорее искусствовед. Вот кто любит живопись Григория Алексеевича, так это Борис! Какие тонкие статьи об этом пишет! Правда, денег это ему не приносит...

– Ну, если бы наши увлечения приносили нам еще и деньги, жизнь была бы сплошным праздником, – заметил Гуров. – А она скорее похожа на сплошные будни. И где же мне искать вашего «искусствоведа по натуре»? На работе или дома?

– А хотите, я ему сейчас позвоню? – предложила Настя. – Объясню, кто вы, почему хотите с ним встретиться... Думаю, он не откажется. Он был близким другом Григория Алексеевича и наверняка захочет помочь в вашем расследовании.

Девушка достала телефон, отыскала нужный номер, поднесла телефон к уху, ожидая ответа... До Гурова донеслись длинные гудки вызова. На них никто не отвечал. Настя была терпелива. Десять гудков, двенадцать... Затем телефон автоматически оборвал связь.

– Ничего не понимаю... – призналась она. – Никогда такого не было. Может, он телефон дома оставил? Ладно, позвоню в музей...

Настя набрала другой номер. На этот раз на звонок откликнулись довольно быстро. Девушка попросила «позвать Бориса Игоревича» и получила ответ, от которого брови ее удивленно полезли вверх. Она выслушала говорившего до конца и повернулась к сыщику:

– Сорокина на работе нет. Директор музея сказала, что он еще утром позвонил, сказал, что внезапно плохо себя почувствовал, идти на работу не может, просит его отпустить. Ну, ему разрешили остаться дома. Сейчас позвоню домой. Хотя знаете что... Может, лучше вы позвоните? Номер я вам скажу. А то его жена, Алена... Такая, знаете, ревнивая особа. Хотя, казалось бы, чего ревновать? Вот вы Бориса увидите, поймете, что он совсем не мачо. Ну как, будете звонить?

– Да, конечно, – кивнул Лев.

Настя нашла домашний номер искусствоведа и передала телефон сыщику. Гуров нажал кнопку вызова и спустя минуту услышал женский голос, произнесший:

– Слушаю!

– Пригласите, пожалуйста, Бориса Игоревича! – попросил он.

– А почему вы домой звоните? – со скандальными интонациями спросила женщина. – Его дома нет! Сейчас середина рабочего дня, вот на работе его и ищите!

– Да, конечно! – отозвался Лев. – Как же я не подумал? Действительно, середина дня... Сердечно вас благодарю!

После чего отключился и протянул телефон Насте.

– Ну что? – спросила она.

– Дома говорят, что Сорокин на работе. Между тем на работе его нет, да и быть не может – ведь он лежит дома, сраженный внезапным недугом. Что это может означать? Только одно: ваш друг, «искусствовед по натуре», что называется, ушел в подполье. Он скрывается от всех. Возникают два вопроса: почему скрывается и где? Ни на один из этих вопросов я ответить не могу. Однако бросается в глаза сходство ситуации с той, что сложилась вокруг бизнесмена Козлова. Того тоже нигде нет...

– Да, и правда... – произнесла Настя. Девушка выглядела крайне растерянной. Потом она встряхнула головой и заявила: – Да, на вопрос «почему» я ответить не могу, как и вы. А вот где может прятаться Борис, могу высказать догадку. У Лёни Шмайлиса!

– А, это художник, близкий к Артюхову! Вы его называли. Значит, Сорокин с ним тоже дружит?

– Боря со многими художниками дружит. Но с Лёней они особенно близки. Знаете, как можно сделать? Мы могли бы прямо сейчас поехать в мастерскую к Лёне. Вы же все равно хотели побеседовать со всеми друзьями Григория Алексеевича. Вот, побеседуете с Лёней. А вдруг там окажется и Сорокин? Тогда у вас будут сразу два собеседника. А с женой Артюхова позже встретитесь.

– Хорошее предложение, – кивнул Лев. – Очень дельная мысль. А если вы согласитесь показывать мне дорогу, то пользы от вас будет еще больше.

– Я же так и сказала – «мы поедem», – напомнила Настя. – Пойдемте, вон там останавливается маршрутка, на которой можно доехать до мастерской.

– Давайте лучше вызовем такси, – предложил он. – У меня нет времени разъезжать на общественном транспорте.

Спустя десять минут они уже ехали в северную часть города, где снимал мастерскую художник Леонид Шмайлис.

– А почему ваш знакомый Леонид не пользуется общими мастерскими? – спросил Гуров. – Я слышал, власти сдают их художникам почти бесплатно...

– По той же причине, по которой и Григорий Алексеевич ими не пользовался, – ответила Настя. – Там слишком шумно, бесцеремонные коллеги мешают. А Леонид, как и Григорий Алексеевич, любит уединение.

– Он тоже пишет картины, на которых всякие очереди, семейные скандалы и все такое прочее?

– Нет, нет, что вы! Лёня работает совсем в другом направлении. По большей части он портретист, хотя пишет и пейзажи, и жанровые картины. Да вы сами увидите.

– Надеюсь, что увижу... – пробурчал Лев, не объяснив, что он имел в виду. А думал он вот о чем. В его практике встречалось несколько случаев, когда свидетели преступления внезапно исчезали. А потом их находили где-нибудь в яме в лесу – разумеется, мертвых. Или вообще не находили. Поэтому у него имелись мрачные предположения о судьбе бизнесмена Козлова, искусствоведа Сорокина и художника Шмайлиса заодно. Однако делиться ими с Настей Марьяновой он не хотел. Тем более – при таксисте. Поэтому и замолчал.

Настя не пыталась возобновить разговор. Она, как журналист, тоже умела хранить секреты и знала, что при посторонних лучше помалкивать.

К Шмайлису пришлось ехать долго – он жил на самой окраине города, возле городского лесопарка. А мастерская художника, куда их довезла машина, вообще находилась в самом лесопарке. Поэтому, когда они вышли из такси, то сразу оказались среди золотого и багряного великолепия осеннего леса.

– Да, теперь я понимаю, почему ваш Лёня Шмайлис устроил себе мастерскую именно здесь, – оглядевшись, произнес Гуров. – И понимаю, что этот художник не должен писать подвалы, заводы и драки бомжей. Находясь в таком месте, хочется создавать что-то прекрасное...

– Вот Лёня и создает, – сказала Настя. – Вот его мастерская. Ага, я вижу, в окнах свет горит. Значит, хозяин дома.

Она подошла, потянула за ручку двери. Однако дверь оказалась закрыта.

– Странно, – покачала она головой. – Обычно Лёня не запирается.

– Как я понял, художники вообще редко запирают двери, – заметил Гуров. – Вот Артюхов тоже работал с открытой дверью... Но после его смерти что-то, видимо, изменилось.

Настя постучала, ей отозвался глуховатый мужской голос, который спросил:

– Кто там?

– Это я, Настя Марьянова!

Дверь открылась. Гуров увидел высокого сутулого человека лет сорока, в очках с толстыми стеклами. Видимо, это и был Леня Шмайлис. При виде незнакомца, стоящего за спиной Насти, глаза художника удивленно расширились, но девушка опередила его законный вопрос:

– Это мой хороший знакомый, его зовут Лев Иванович. Он приехал из Москвы, как раз в связи с убийством Григория Алексеевича.

– Хорошо, заходите, – после некоторой задержки пригласил Шмайлис. – Я, правда, сегодня не ждал гостей... Но раз пришли... – И он отступил от двери, пропуская прибывших.

Проходя через прихожую, Гуров окинул профессиональным цепким взглядом вешалку, стойку для обуви и сделал свои выводы. Когда они вошли в мастерскую, он заговорил первый:

– Давайте я представлюсь до конца, так будет правильно. Меня зовут Лев Иванович Гуров, я – полковник полиции. И приехал специально из Москвы, чтобы расследовать убийство художника Григория Артюхова. А если потребуется, то и другие преступления. Так что не буду разыгрывать перед вами комедию и делать вид, будто проник в вашу мастерскую, чтобы любоваться картинами. Нет, не любоваться, хотя посмотреть на них не отказался бы. Но в основном я приехал, чтобы побеседовать с господином Сорокиным, который здесь скрывается. И не говорите, что его здесь нет – я видел на вешалке пальто, а под вешалкой – ботинки. И они явно не вашего размера. – Он бросил быстрый взгляд на здоровенные ноги Шмайлиса. Хозяин мастерской, как видно, носил обувь сорок четвертого или сорок пятого размера.

От слов гостя художник явно растерялся и не знал что сказать. На выручку пришла Настя:

– Ладно, Лёнь, ничего не поделаешь, надо позвать Бориса. – И, не дожидаясь, пока хозяин сам на это решится, громко позвала: – Борис Игоревич, выходите! Лев Иванович приехал, чтобы нас всех защитить. Его не надо бояться.

При этих словах открылась дверь в другую комнату (видимо, она служила художнику кухней), и в мастерскую вошел Борис Сорокин. Это был человек совсем другой комплекции, чем Шмайлис, – низенький, полный, но при этом подвижный, как ртуть. Однако была одна черта, объединяющая его с хозяином мастерской – такие же роговые очки с толстыми стеклами.

– Я, конечно, польщен, что ко мне проявляют такое внимание, – произнес он, пожимая плечами. – Приехали из самой Москвы... Но я не понимаю, в чем причина...

– Перестаньте, Борис Игоревич, – сказал Гуров. – Все вы прекрасно понимаете. Настя же все сказала. Меня прислали, чтобы я расследовал убийство вашего друга Григория Артюхова. А если при этом вскроются и другие преступления, например, совершенные сотрудниками правоохранительных органов, то их тоже буду расследовать.

– Их тоже? – оживился Сорокин. – Это хорошо... очень хорошо! Это меняет дело! Но что вам требуется от меня?

– Сейчас я все объясню, – ответил Лев. – Но, может быть, мы вначале все присядем? Или даже так: может, вначале Леонид... простите, не знаю вашего отчества...

– Маркович, – представился Шмайлис.

– Вот, может, Леонид Маркович даст мне посмотреть свои картины? А то ведь это верх невежливости – прийти к художнику и не проявить никакого интереса к его работам.

При этих словах Шмайлис слегка улыбнулся. Было заметно, что он польщен.

– Конечно, смотрите, – сказал он. – Вот здесь то, что я писал в последнее время, здесь старые полотна...

– Я посмотрю и то, и другое, – сказал Гуров и двинулся вдоль стен мастерской. Шмайлис присоединился к нему. Настя и Борис Сорокин присели к столу, между ними затеялся тихий разговор. До Гурова долетали реплики: «Вы чего это надумали прятаться?» – «Но как же вы не понимаете? Ведь я тоже видел...»

Впрочем, сыщик не особенно вслушивался – он смотрел на картины. Да, Настя была права – Леонид Шмайлис писал совсем не так, как Григорий Артюхов. Это была яркая, сочная живопись. Хотя на дворе стояла пасмурная погода, здесь, на стенах мастерской, казалось, светило солнце – такими насыщенными цветом были полотна художника. Несколько раз Гуров задал вопросы, уточняя названия работ и некоторые детали, хозяин пояснял.

Наконец осмотр закончился, и они вернулись к столу. Когда гости уселись, хозяин предложил:

– Может быть, чаю?

– С удовольствием, – улыбнулся Лев. – От чашки-другой чая никогда не откажусь. А пока он заваривается, я все же задам несколько вопросов уважаемому Борису Игоревичу. – И, повернувшись к Сорокину, спросил: – Так почему вы все-таки решили прятаться? И от кого?

Искусствовед не сразу решился ответить. Он несколько раз открывал рот, собираясь заговорить, но так ничего и не сказал. А когда наконец решился, то из его уст прозвучал не ответ, а вопрос:

– Вы были в мастерской Григория Алексеевича? Видели картину, которую он писал?

– В мастерской был. А вот картину не видел. Ее никто не видел – убийца вырезал ее из рамы и унес.

– Унес! Вот оно что! – воскликнул Сорокин, вскочив с места. Потом снова сел и, повернувшись к Гурову, произнес: – Вот из-за нее я и скрываюсь. Из-за этой картины. Мне угрожает опасность, потому что я ее видел!

– Это я понял. Но вы не ответили на другой мой вопрос: от кого исходит эта опасность? От кого вы прячетесь?

– А вот от них и прячусь, – ответил Сорокин. – От тех, кто на этой картине изображен.

Глава 6

Тут в их беседу, не выдержав роли пассивного наблюдателя, внезапно вмешалась Настя:
– Значит, вы видели всех? Всех троих?

Сорокин повернулся к девушке. На его лице появилось испуганное выражение, но тут же исчезло, он покачал головой и ответил:

– Нет, третий участник дележа при мне еще не был написан, и кто он, я не знаю. Но мне и двоих хватило, чтобы захотелось забиться в какую-нибудь нору.

– Про одного героя, изображенного на этой картине, мне Настя уже поведала, – сказал Гуров. – Точнее, про героиню. Сказала, что это председатель Волжского суда Светлана Веселова. А кто второй герой?

– Да, Борис, скажи, кто же второй? – настаивала Настя.

Сорокин оглядел своих собеседников, глубоко вздохнул, словно собирался прыгнуть в ледяную воду, и ответил:

– Вторым – это Сачко.

– Сачко? – удивленно переспросила Настя. – Вот бы не подумала... Я бы скорее решила, что это кто-то из следователей или из полиции...

– Так, теперь объясните мне, человеку приедем, кто такой Сачко, и почему милая Настя на него не подумала, – попросил Гуров. – И вообще, проясните, о каком, собственно, дележе идет речь.

Шмайлис, Сорокин и Марьянова переглянулись, и девушка решила взять роль ответчика на себя.

– Полковник Геннадий Сачко является начальником княжевского СИЗО, – объяснила она. – Своим изолятором полковник гордится, считает это заведение образцовым. Любит говорить, что его изолятор – учреждение, доступное для журналистов и всякого рода правозащитников, что ему нечего скрывать. Несколько раз он устраивал показательные посещения СИЗО бригадами журналистов и общественников. В одном таком посещении и я участвовала.

– Выходит, ты бывала в нашем СИЗО? – удивился Сорокин. – Я и не знал...

– Бывала, бывала, – подтвердила Настя. – Нам показали и два старых корпуса, но особо долго водили по новому – он был сдан в прошлом году. Сачко сам вел эту экскурсию. Он подчеркивал, какие там светлые камеры, показывал крытые дворики для прогулок – они позволяют организовать прогулку заключенных даже в дождливую погоду. В то же время сбежать из такого дворика совершенно невозможно. И вообще, Сачко упирал на то, что из его тюрьмы не было ни одного успешного побега. Попытки бежать были, но все они заканчивались провалом.

– Что ж, получается, что у вашего Сачко действительно образцовое заведение, – покачал головой Лев. – Правда, я слышал от бывалых уголовников другие отзывы. Как-то критически они говорили о вашем СИЗО... Впрочем, мнение уголовников можно не учитывать. Ведь для них хорошо там, где тюремная администрация пасует перед «авторитетами», и те устанавливают свои порядки. Для них хорошее СИЗО – то, в которое можно пронести водку, наркотики, телефоны. Где для «авторитетов» можно устроить «ВИП-камеры» со всеми удобствами... В общем, выходит, что ваш Сачко прав, и тюрьма у него хорошая.

– Да, только в этой «хорошей тюрьме» люди умирают! – воскликнула Настя. – За последние три года было уже пять случаев!

– Это как-то странно... – нахмурился Лев. – Смерть заключенного в СИЗО – это ЧП. В таком случае всегда создается комиссия, проводится тщательная проверка... А уж если в одном месте случается несколько смертей – начальнику такого СИЗО уж точно не усидеть на месте!

– Так ведь они все вроде бы от болезней умирали! – объяснила девушка. – Каждый раз медики выдавали заключение, что налицо естественная причина смерти: или обширный инфаркт, или почки вдруг отказали, или гепатит обострился... В общем, никаких подозрений. Но у нас в Княжевске все говорят о том, что этих людей замучили. Вымогали у них деньги.

– Ну, откуда у заключенного большие деньги... – засомневался Гуров.

– Это зависит от того, что это за заключенный, – вступил в разговор Шмайлис. – Бывает, что в СИЗО попадают люди с очень большими деньгами. Люди, владеющие многоквартирными домами, магазинами, ресторанами... Словом, бизнесмены.

– Так вот, все пятеро умерших в нашем СИЗО были бизнесменами! – снова заговорила Настя. – Вот почему у нашего СИЗО плохая репутация в бизнес-сообществе. И еще хуже репутация у начальника нашей тюрьмы.

– А у этой дамы, председателя суда, какая репутация? – поинтересовался Лев.

Его собеседники вновь переглянулись. На этот раз объяснения стал давать Сорокин:

– У Светланы Павловны репутация еще хуже. Просто ужасная! Она известна тем, что Волжский суд под ее руководством не вынес за последние четыре года ни одного оправдательного приговора. Ни одного! А еще про председателя суда Веселову говорят, что у нее на каждое нужное решение имеется своя такса. Например, освобождение из-под стражи на время следствия стоит восемьсот тысяч. Смягчение приговора, назначение минимального срока – не меньше двух миллионов. Назначение условного наказания стоит дороже всего – от пяти до двадцати миллионов, в зависимости от тяжести обвинения.

– Неплохая такса! – усмехнулся Лев. – При таких расценках не обеднеешь...

– Да, о богатстве Веселовой ходят самые невероятные слухи, – подтвердила Настя. – Коллеги, которые занимаются журналистскими расследованиями, пробовали «копать» в этом направлении. И кое-что выяснили. Например, стало известно о двух виллах во Франции, принадлежащих родственникам Веселовой. И еще одну виллу нашли в Греции. Но после этого на Толю Тишкина, который занимался этим расследованием, было совершено нападение. Напали прямо возле дома. Нападавших было двое, они были вооружены железными прутьями. Толе сломали обе руки, изуродовали лицо, отбили почки... Он потом несколько месяцев лежал в больнице, но до конца здоровье так и не восстановил. После этого случая он уехал из нашего города. И больше никто состоянием судьи Веселовой не интересовался.

– Да, серьезная женщина... Теперь понятно, почему вам, Борис Игоревич, захотелось срочно спрятаться. И понятно, что Григорию Артюхову потребовалась большая храбрость, чтобы задумать и написать свою картину. Стало быть, вы, Борис Игоревич, были вечером в мастерской у Артюхова?

– Да, я там был, – кивнул искусствовед.

– И видели почти законченную картину?

– Да, видел картину, на которой были вполне прописаны лица двух участников дележа.

А у третьего лица было лишь обозначено.

– Во сколько вы ушли от Артюхова?

– Это было... погодите, дайте вспомнить... – Художник задумался, пошевелил губами, припоминая, потом сказал: – В одиннадцать! Да, это было в одиннадцать с минутами.

– И больше вы Артюхова не видели?

– Нет, не видел.

– А как вы узнали о его смерти?

– В среду утром... тоже примерно в одиннадцать, но утра, мне позвонила Наташа. Я имею в виду жену Артюхова. Она так рыдала в трубку, что я несколько минут ничего не мог понять. Потом сказала, что пришла в мастерскую к мужу, и вот...

– И что вы стали делать?

– Что я делал? Да ничего. Оставался на работе. Даже экскурсию какую-то проводил... Но в голове была только одна мысль: «Артюхова убили, теперь и меня убьют. За то, что видел». С работы домой шел – все время оглядывался. Все думал: из какой подворотни на меня кинется убийца. А ночью твердо решил: на работу не ходить и домой не возвращаться. Позвонил Лёне, попросил меня укрыть. Он согласился...

– Скажите, когда вы во вторник выходили из мастерской, вы никого не заметили? Никакого человека рядом?

– Нет, вроде никого не было. На другой стороне улицы стояло несколько машин... Но были ли там люди, я не знаю. Темно было, я не видел.

– Хорошо, а теперь скажите мне, все трое, – окинул взглядом своих собеседников Гуров, – кто мог быть тот третий, кого Артюхов хотел написать на своей картине в последнюю очередь?

И снова люди возле стола переглянулись. Первой заговорила Настя:

– Есть несколько кандидатов. Например, городской прокурор Угрюмов. Всем известно, что он находится с судьей Веселовой в прекрасных отношениях. Веселова очень любит всякого рода пикники, шашлыки, поездки по Волге. А у Угрюмова имеется мощный катер. Даже не катер, а небольшая моторная яхта. И он возит на ней и Веселову, и других друзей к себе на дачу на Зеленом острове. Эта яхта миллиона три стоит, я узнавала. Спрашивается, откуда у прокурора такие деньги?

– Еще начальник областной полиции Тарасов там мог оказаться, – сказал Сорокин. – У него, правда, катера нет, зато имеются то ли три, то ли четыре старинных автомобиля. Генерал любит старинные авто. Держит специального человека, который их чинит, переделывает, лакирует, так что они выглядят как новенькие. Это ведь тоже деньги немалые...

– Вот как... – протянул Гуров. – А ведь я успел познакомиться с Тарасовым. И он показался мне порядочным человеком. Впрочем, первое впечатление может обмануть...

– А еще это мог быть кто-то из следственного комитета, – добавил Шмайлис. – Кто именно, не знаю, я расследованиями не занимаюсь. Но я слышал, что следователи в нашем городе бедно не живут.

– Теперь попробуем зайти с другого конца, – предложил Гуров. – Нет, спасибо, чая мне больше не надо и так скоро лопну. Чай у вас, надо сказать, превосходный. Так вот, зайдём с другого конца и попробуем понять, от кого убийца мог узнать о новой картине Артюхова. Как я понял, о ней знали все, кто здесь присутствует – Настя, Леонид и Борис Игоревич, – я правильно понял?

– Да, я заходил к Грише во вторник, в середине дня, – подтвердил Шмайлис. – Меня об этом уже спрашивал следователь. И я ему сказал то же самое, что и вам сейчас скажу – картины я не видел. Она стояла, накрытая тканью, лицом к стене.

– А вот Борис Игоревич картину видел, – продолжал Гуров. – Видел, но сразу оценил опасность, которая с ней связана. И вряд ли кому-то о ней рассказывал. Правильно?

– Ни одному человеку не говорил, – твердо заявил Сорокин.

– Остается наша милая Настя. – Лев повернулся к девушке: – Постарайтесь вспомнить, Настенька, кому вы говорили о замечательной картине, которую пишет Артюхов?

Настя гневно взглянула на сыщика. Она понимала, какое тяжелое обвинение ей сейчас было предъявлено. Однако не стала отговариваться, уверять, что все время держала язык за зубами. Вместо этого наморщила лоб, вспоминая, затем произнесла:

– Да, я говорила... Когда была в редакции, я рассказала о картине редактору наших «Княжевских вестей» Денису Каричеву. Он знает о моей дружбе с Артюховым, охотно помещал мои статьи о нем. Так что было бы странно ему не сказать. Еще я упомянула о картине в разговоре с Ирой Прониной. Ира – корреспондент, как и я, она мне почти подруга. И я не думаю,

что через нее эта новость могла прийти... до этих людей. Ну и, наконец, я позвонила Николаю Петровичу.

– Козлову, что ли? – уточнил Сорокин. Заметно было, что при упоминании этой фамилии его всего перекосило.

– Да, Козлову! – сердито подтвердила девушка. – Николай Петрович – самый большой друг Григория Алексеевича, он так много для него сделал! И он должен был знать о такой важной работе.

– И что вам ответил на ваше сообщение Козлов? – спросил Гуров.

– Он очень заинтересовался! Очень! Обрадовался, что Григорий Алексеевич начал разрабатывать новое направление. Помню, сказал так: «Надо будет Григория поощрить, чтобы и дальше двигался в эту сторону. Живопись как разоблачение! Картина как поступок! Кажется, такого еще не было. Это произведет фурор!» Обещал, что в ближайшее время обязательно заглянет в мастерскую Артюхова, посмотрит картину.

– Обещал, что посмотрит... – медленно повторил Гуров последние слова журналистки. – И после этого Козлов исчез... Следствие его ищет, но не может найти. Да, интересно... Однако мы не закончили наш разбор. Ведь кроме людей, которые сидят здесь, наверняка были и другие, кто видел картину «Делёж». Давайте составим полный список. Леонид, начнем с вас. Как вы думаете, кто мог за последнюю неделю заходить к Артюхову и увидеть полотно?

Шмайлис наклонил голову, задумался. Потом сказал:

– Надо узнать, заходили или нет в последнюю неделю к Григорию Женя Пикляев и Люда Сейфулина. Из наших княжеских художников они к нему ближе всех были – ну, кроме меня. Обычно, как не зайду к Григорию, там обязательно сидит или Борис, – кивнул он на сидящего рядом искусствоведа, – или Люда Сейфулина, или Женя. Они оба намного моложе Григория и считают его как бы своим учителем. Причем Люда – ученица полностью преданная, а Женя – он такой... бунтующий. Время от времени Женю прорывало, и он начинал с Григорием спорить. Даже до ссор доходило. Бывало, Женя заявлял, что больше не может терпеть эту «диктатуру убожества», и ноги его в мастерской Григория не будет. Но потом снова приходил...

– Да, фамилию Пикляева я уже слышал в связи с этим несчастьем, – задумчиво произнес Лев. – И я точно знаю, что он к Артюхову заходил. Об этом он сам сказал следователю. Однако мне говорили не только о ссорах. Говорили, что Пикляев завидовал Артюхову, даже устраивал против него какие-то интриги... Что Пикляев мог убить Артюхова...

– Кто это вам сказал?! – возмутился Шмайлис. – Что за чушь! Женя – добрейший парень, от него никто никакого зла не видел. Просто у них с Григорием разное видение мира.

– Хорошо, я познакомлюсь с Пикляевым лично и тогда составлю мнение о нем. Пока что я делаю вывод, что информация о картине «Делёж» могла прийти до врагов художника либо через редакцию (не обижайтесь, Настя, но это факт неоспоримый), либо через Сейфулину и Пикляева. Либо – третий вариант – через Козлова. Именно с ним мне хочется теперь встретиться больше всего. Однако в полиции мне заявили, что Козлова нет ни в квартире, ни в загородном доме, ни в охотничьей сторожке. И машину его не могут найти. Может, вы мне что-то подскажите? Может, было у бизнесмена еще какое-то убежище, совсем секретное?

Говоря это, Лев внимательно посмотрел на Настю Марьянову. Почему-то ему показалось, что девушка должна что-то знать о пропавшем бизнесмене. Вслух он этого говорить не стал – просто сделал паузу, подождал... И, как выяснилось, правильно сделал – Настя глубоко вздохнула и сказала:

– Да, было у Николая такое убежище... В прошлом году он приобрел дом в деревне Буерак. Обычный деревенский дом, без удобств. Он туда редко ездил. Только чтобы по лесу погулять, грибы поискать. Там леса красивые...

– Представляю, какая красота там сейчас, осенью, – сказал Гуров. – Что ж, поеду в деревню Буерак. Вы, Настя, не составите мне компанию? С вами мне будет проще – нужный дом покажете...

– Да, я не против съездить... – пожала она плечами. – И дом могу показать... Но сейчас уже поздно. Автобусы туда не ходят, электричка останавливается только рано утром...

– Ничего, я раздобуду машину, – пообещал Лев. – Думаю, это не составит проблемы. Так что, поедем?

– Хорошо, едем, – согласилась Настя.

Гуров повернулся к Сорокину:

– А вы, Борис Игоревич, можете вернуться домой. Я собираюсь прямо сейчас сообщить людям, которые ведут следствие, что мне знаком сюжет картины Артюхова. Эта новость быстро дойдет до всех... всех, от кого исходит опасность. Ну вот, а если сюжет перестанет быть секретом, то вам, как свидетелю, нечего будет опасаться. Идемте, я вас подброшу до города.

– И на чем же вы меня подбросите? – поинтересовался Сорокин. – Что-то я за окном никакой машины не вижу...

– Машина будет! – заверил Гуров.

Глава 7

Он достал телефон и позвонил генералу Тарасову. Когда генерал откликнулся на звонок, Гуров сказал:

– Помнится, во время нашей утренней встречи вы мне обещали всяческую помощь в расследовании. Мне это не показалось?

– Нет, Лев Иванович, не показалось, – ответил генерал. – Окажем вам любую помощь, подключим все средства, какие есть в нашем распоряжении. Что вам требуется?

– В настоящее время мне требуется средство передвижения. Что-нибудь простое и надежное. Меня вполне бы устроила «Нива» в исправном состоянии.

– С водителем? – уточнил Тарасов.

– Нет, водить я сам умею, – ответил сыщик. – Так что вашего водителя я отпущу. Тут у вас в городе имеется лесопарк, в который ходит автобус, вот пусть туда и пригонит. Рядом с автобусной остановкой расположена мастерская художника Шмайлиса. Адрес...

Лев повернулся к художнику, и тот продиктовал ему адрес, который Лев затем повторил начальнику управления.

– За город собираетесь ехать? – спросил генерал.

– Верно поняли, Николай Семенович, за город.

– Так, может, наш водитель вас и отвезет?

– Нет, лучше я один съезжу. Вернее, с провожатым. И если найду там что-то интересное, сразу вам сообщу. А водителя вашего высажу, где он скажет, где ему удобней будет домой добраться.

– Ладно, как скажете, – ответил Тарасов. – Я вижу, вы в вашем расследовании уже далеко продвинулись?

– Какое там продвижение, Николай Семенович! Так, появилась кое-какая информация, нужно проверить. Хотя кое-что существенное я узнал. Например, мне стало известно, что за картину писал перед смертью Артюхов.

– Да что вы говорите? – оживился генерал. – И что же там за картина?

– Картина называлась «Делёж». На ней были изображены трое представителей правоохранительных органов Княжевска, занятые разделом похищенной чужой собственности.

– Вот оно как! – воскликнул Тарасов и на секунду замолчал. Было понятно, что он занят тем, что осмысливает полученную информацию. Кажется, эта информация показалась ему не только важной, но даже опасной. Наконец он снова заговорил: – И эта картина исчезла, ее похитил убийца... Стало быть, что же получается? Получается, что убийство Артюхова связано с его профессиональной деятельностью?

– Совершенно верно, Николай Семенович, – сказал Гуров. – И я пришел к тому же выводу.

– А мне Артем Юрьевич Злобин – ну, следователь, который дело ведет, – говорил, что это убийство на бытовой почве... – произнес Тарасов.

– Да, Артем Юрьевич излагал мне свою версию. Думаю, что он ошибается. Можете так ему и сказать.

– Да, я обязательно скажу. А может, вы и сами все ему изложите. Да, далеко вы продвинулись, далеко... А говорите, «раздобыл кое-какую информацию»... Скромничаете, Лев Иванович! Что ж, желаю успеха. Машину к вам я вышлю прямо сейчас. Так что через полчаса или минут через сорок встречайте.

Разговор был окончен. Гуров выключил телефон и сказал, обращаясь к своим собеседникам:

– Минут через сорок подойдет машина, и мы с вами, Настя, отправимся в Буерак. Может, удастся найти там Козлова. А пока у нас есть время, давайте вместе подумаем вот о чем. Для чего убийца вырезал из рамы картину «Делёж», понятно – полотну надо было уничтожить, чтобы его никто не видел, это был разоблачительный материал. Зачем он захватил еще две картины, тоже ясно – таким образом убийца создавал видимость грабежа. Дескать, вовсе не «Делёж» был его целью, он просто залез в мастерскую, чтобы пограбить. Но возникает вопрос: насколько ценными были те полотна, что он унес? Может, и правда, у убийцы была и вторая цель – обогащение?

Этот вопрос сыщик обращал, прежде всего, к искусствоведу. И Сорокин не замедлил с ответом:

– Я слышал, что были украдены полотна «Очередь» и «Патруль». Что я могу про них сказать? Обе работы написаны в этом году, относятся к последнему периоду творчества Григория Алексеевича. Но по манере они достаточно разные, и ценность у них тоже разная. «Патруль» – серьезная, продуманная вещь, во многом новаторская. Очень интересная цветовая гамма – мрачная, даже гнетущая, но на заднем плане показана полоска зари, и это создает...

– Простите, Борис Игоревич, – прервал его Лев. – Я понимаю, вас, как специалиста, интересует художественный анализ этих полотен. Я же спрашиваю о рыночной стоимости. Много ли можно выручить за эти картины? Возможно, они очень дорогие? Грабитель выбрал самые ценные картины из тех, что были в мастерской?

– Да, извините, я увлекся и ушел в сторону, – сказал Сорокин. – Являются ли эти картины самыми ценными? Вовсе нет! «Патруль», пожалуй, еще можно продать, знаток даст за него тысяч пятнадцать-двадцать. А вот «Очередь» не очень удалась, эта картина проходная. Вряд ли ее кто-нибудь захочет купить...

– То есть в мастерской были и более ценные полотна?

– Разумеется! Конечно, многие работы Артюхова куплены частными коллекционерами – прежде всего Козловым – и музеями. Но и у него в мастерской остались ценные полотна. Настоящие шедевры! Такие, например, как «Закат», «Ночная смена», «У подъезда»... За каждую из этих картин можно выручить... Ну, я не знаю, не могу назвать точную сумму – она зависит от места проведения торгов. Но уж тысяч восемьдесят точно можно получить!

– Вот как... – задумчиво произнес Гуров. – Стало быть, убийца выбрал эти работы совершенно случайно...

– Ну конечно! – воскликнул Сорокин. – Он взял первые попавшиеся! Те, что стояли ближе всего к мольберту. Он ничего не искал, не выбирал. Взял, что ближе лежало. Точнее, стояло.

– А может он кому-нибудь продать эти картины?

– Здесь, в Княжевске? Исключено! Кроме Козлова, здесь никто работы Артюхова не знает и не ценит, – уверенно заявил Сорокин.

И тут в разговор неожиданно вступил Шмайлис.

– Зря ты так говоришь, Боря, – сказал он. – Я знаю человека, у которого дома висят целых три картины Григория.

– И кто же этот ценитель? – спросил искусствовед, скептически взглянув на приятеля.

– А это наш мэр Царев, – ответил Шмайлис. И, видя удивление на лицах слушателей, пояснил: – Меня в феврале пригласили к Цареву домой. Оказывается, мэр задумал написать портрет своей супруги Лидии и подарить ей на день рождения. Так что я побывал на вилле нашего градоначальника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.